

Наличие критериев эффективности судебной деятельности позволяет определить стратегические направления и выявить основные тенденции развития судебной власти в перспективе. Система качества правосудия наделяет судебную власть, с одной стороны, большей самостоятельностью в решении своих внутриорганизационных вопросов, но, с другой стороны, повышает ее ответственность как перед собой (внутрисистемный контроль), так и перед обществом (внешний контроль).

Список использованных источников:

1. Астафьев, А. Ю. Эффективность судебной деятельности: понятие и критерии оценки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/pravo/2012/01/2012-01-12.pdf>. – Дата доступа: 14.09.2016.

2. Оценка качества разрешения дел в судах: принципы и предлагаемые критерии качества. Проект судов округа апелляционного суда Рованиеми, Финляндия // Показатели эффективности работы органов системы отправления правосудия : семинар, Минск, 24 апр. 2008 г. / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ. – Минск, 2008. – С. 146–183.

3. Бибило, В. Н. Перспективы развития судебной власти по Концепции судебно-правовой реформы Республики Беларусь // Проблемы юриспруденции: избранные труды развития транспорта и логистики в Республике Беларусь / В. Н. Бибило. – Минск, 2010. – С. 200–209.

4. Демичев, А. А. К вопросу о численности коллегии присяжных заседателей / А. А. Демичев // Уголовное судопроизводство. – 2016. – № 3. – С. 16–20.

5. Бурдина, Е.Е. Многофункциональность органов судейского сообщества как гарантия независимости судебной власти / Е. Е. Бурдина // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 8(58). – С. 188–193.

6. Великая Хартия Судей (Основополагающие принципы) // Magna Carta of Judges (Fundamental Principles) / Юридический блог Михаила Самойлова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.msamoilov.ru/velikaya-xartiya-sudej-osnovopolagayushhie-principiy-magna-carta-of-judges-fundamental-principles/>. – Дата доступа: 09.09.2016.

7. Проект доклада о независимости судебной системы. Часть I: Независимость судей / Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.venice.coe.int>. – Дата доступа: 09.05.2016.

8. Клеандров, М. И. Интересные структуры и институты судейского сообщества в международном и зарубежном измерениях / М. И. Клеандров // Российский судья. – 2013. – № 7. – С. 37–40.

УДК 343.35

ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ КАТЕГОРИИ «ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО» В КОНТЕКСТЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Я.С. Яцковская,

магистрант 1 курса, Академия управления при Президенте Республики Беларусь

В разные времена любое государство, независимо от формы правления и устройства, предъявляло, предъявляет и будет предъявлять особые требования к

порядку исполнения служебных обязанностей должностными лицами. В случае совершения такими лицами общественно опасных деяний к ним предъявляются специфические требования, несоблюдение которых влечет привлечение к уголовной ответственности. И это вполне объяснимо, поскольку, наделяя отдельные категории лиц специальными полномочиями, необходимыми для осуществления власти, государство правомочно установить особый режим их ответственности. В силу этого вопросы о субъекте должностных преступлений всегда находились в центре внимания научных исследований в области уголовного права.

В советском уголовном праве проблема понятия должностного лица рассматривалась в трудах В.А. Владимирова, Б.В. Волженкина, А.А. Жижиленко, Б.В. Здравомыслова, В.Ф. Кириченко, Н.И. Коржанского, А.Б. Сахарова, Б.С. Утевского. В конце 1940-х и особенно в 1950-е гг. многие ученые высказывали вполне обоснованное мнение о том, что субъектами должностных преступлений могут быть не все служащие, а только те, которые обладают более или менее значительными полномочиями.

Так, В.Д. Меньшагин и З.А. Вышинский считали, что для признания служащего должностным лицом необходимо, чтобы он осуществлял определенные административные или организационно-хозяйственные функции [1, с. 366]. Аналогичный подход к понятию должностного лица содержался и в юридических словарях [2, с. 183]. В.Ф. Кириченко и Н.П. Кучерявый справедливо указывали, что должностные лица – это работники, осуществляющие в государственном, общественном учреждении или на предприятии оперативно-распорядительные либо административно-хозяйственные функции [3, с. 32], а также лица, выполняющие культурно-воспитательные функции [4, с. 113]. Мнение данных авторов разделял В.С. Орлов, полагавший, что «в основу определения понятия должностного лица должен быть положен фактический характер выполняемых им функций административно-хозяйственного, оперативно-распорядительного, контрольно-ревизионного, судебного, профессионального и иного публично-правового характера» [5, с. 149]. Таким образом, наука советского уголовного права выработала критерии определения понятия «должностное лицо» через призму особенностей его служебного статуса и сформулировала основы ограничительного толкования этого понятия.

Легальное определение должностного лица было дано в примечании к статье 166 Уголовного кодекса БССР 1960 г., устанавливающей, что «под должностными лицами в уголовном праве понимались лица, постоянно или временно осуществляющие функции представителя власти, а также занимающие постоянно или временно в государственных или общественных учреждениях, организациях или на предприятиях должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, или выполняющие такие обязанности в указанных учреждениях, организациях и на предприятиях по специальному полномочию» [6]. Принятый в 1999 г. Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) значительно расширил перечень лиц, подпадающих под признаки должностного лица. Вместе с тем многие вопросы, затрагивающие толкование данного понятия, еще не получили единооб-

разного решения в теории и практике и вызывают дискуссии в среде ученых в области уголовного права.

Должностное лицо – это, как правило, лицо, обладающее определенными властными полномочиями, компетентное приказывать кому-то, распоряжаться чем-то, принимать решения, имеющие для других лиц юридическое значение. Для того устранения разночтений в понимании должностного лица и единообразного его применения в практической деятельности в случаях решения вопроса о наличии признаков соответствующих преступлений в УК достаточно четко очерчен круг лиц, которых следует относить к должностным в зависимости от их полномочий. Согласно ч. 4 ст. 4 УК к должностным лицам относятся:

1) представители власти, то есть депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, депутаты местных Советов депутатов, а равно государственные служащие, имеющие право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных им по службе;

2) представители общественности, то есть лица, не находящиеся на государственной службе, но наделенные в установленном порядке полномочиями представителя власти при выполнении обязанностей по охране общественного порядка, борьбе с правонарушениями, по отправлению правосудия;

3) лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие в учреждениях, организациях или на предприятиях (независимо от форм собственности), в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, либо лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий;

4) должностные лица иностранных государств, члены иностранных публичных собраний, должностные лица международных организаций, члены международных парламентских собраний, судьи и должностные лица международных судов [7].

Следует обратить внимание на то, что при выделении первых трех групп должностных лиц в качестве юридически значимых классифицирующих признаков избраны особенности властных, управленческих полномочий. Данные признаки являются весьма значимыми, поскольку преступления против интересов службы имеют место не потому, что лицо занимает некую должность, а в связи с реализацией этим лицом своих должностных полномочий. Поэтому при квалификации деяний должностных лиц следует не просто констатировать, что лицо занимает определенную должность, а указывать то, что деяние совершено лицом при осуществлении или в связи с осуществлением им тех полномочий, которые и придают ему статус должностного лица.

Понятие «должностное лицо», определенное в УК, получило свое развитие в принятом 15.07.2015 г. Законе Республики Беларусь № 350-З «О борьбе с коррупцией». В нем определен более широкий круг лиц, которые могут быть признаны субъектами коррупции при использовании своего служебного поло-

жения. При этом субъекты коррупции как получатели выгоды при использовании своего служебного положения подразделены на три группы:

- 1) государственные должностные лица;
- 2) лица, приравненные к государственным должностным лицам;
- 3) иностранные должностные лица [8].

Кроме указанных трех категорий лиц, имеется и четвертая категория субъектов коррупции: лица, осуществляющие подкуп государственных должностных или приравненных к ним лиц либо иностранных должностных лиц. Таковыми являются любые лица, независимо от их должности, профессии, осуществляемой деятельности. При этом необходимо обратить внимание на то, что наиболее типичной ошибкой в правоприменении является расширительное понимание должностного лица. Например, А.В. Барков указывает, что на данное противоречие неоднократно обращалось внимание как советским учеными, так и в преамбуле постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 04.06.1993 г. № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями, превышении власти или служебных полномочий, служебной халатности и должностном подлоге» [9, с. 90].

Расширительное толкование понятия «должностное лицо» обусловлено рядом причин: во-первых, наличием различных подходов в понимании должностного лица в конституционном, административном, трудовом и уголовном праве; во-вторых, попытками законодателя восполнить пробелы в уголовном законе за счет расширительного толкования признаков должностного лица; в-третьих, влиянием прежних толкований и установок, которые в силу естественной консервативности правоприменительной практики дают о себе знать и в настоящее время. В данном контексте следует вспомнить постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30.-6.1970 г. (с дополнениями от 31.07.1962 г.) № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве». В обозначенном документе указывается, что «субъектом преступления – получения взятки – надлежит считать и тех работников государственных, кооперативных и общественных учреждений, предприятий и организаций, которые в силу своего служебного положения и выполняемых ими служебных обязанностей могли принять меры к совершению другими должностными лицами действий, желательных для взяточдателей (референты, инспекторы, консультанты, инструкторы, товароведы и др.)» [9, с. 90]. Таким образом, прослеживается применение аналогии для привлечения к уголовной ответственности лиц, не являющихся специальными субъектами преступления (должностными лицами).

Как справедливо отмечает В.М. Хомич, категория «должностное лицо» – важное явление и понятие не только в теории уголовного права (в плане установления специальных фигурантов преступного поведения), но и для выстраивания системы администрирования [10]. Между тем до настоящего времени в теории и практике не решено: следует ли исходить из единого понимания должностного лица для всех отраслей права, либо нужна его индивидуальная интерпретация в отраслевом правовом регулировании. В связи с этим возникает вопрос: может ли социально-ролевая функция, лежащая в основе выделения статуса должностного лица в той или иной системе, быть непреодолимой причиной

недопустимости единого понимания и определения должностного лица как специального субъекта ответственности.

Действующий уголовный закон к должностным лицам относит также лиц, уполномоченных в установленном порядке совершать юридически значимые действия. Исходя из положений УК и практики их применения, должностными лицами по признаку совершения юридически значимых действий должны признаваться те, кто совершает действия, в результате которых наступают или могут наступить правовые последствия в виде возникновения, изменения или прекращения правоотношений. Разделяя точку зрения В.М. Хомича, считаем, что такой подход не учитывает одного важного обстоятельства: должностная деятельность – это деятельность, имеющая публично-правовой и властно-организующий характер. Следовательно, должностными лицами следует признавать лишь тех, кто совершает юридически значимые действия, влекущие последствия публично-правового и властно-обязывающего характера для другого лица (юридического или физического). Само по себе участие в гражданско-правовой сделке в качестве стороны или ее представителя не влечет признания лица должностным. Поэтому осуществление сугубо профессиональных действий, пусть даже имеющих для физических лиц и субъектов администрирования определенное правовое значение (правовые последствия), но не имеющих властно-распорядительного характера, не может служить достаточным основанием для признания лица действующим в статусе должностного лица во время совершения таких действий [10].

Не выражая категорического несогласия против ответственности указанных лиц за злоупотребление своим правом, необходимо указать на недопустимость чрезмерного расширения и трактовки понятия «совершение юридически значимых действий» в качестве самостоятельного признака властно-распорядительных действий в статусе должностного лица. О возникающих правовых курьезах в правоприменительной практике в связи с широкой трактовкой юридически значимых действий писали многие специалисты. Сказанное можно пояснить примером, иллюстрирующим неадекватные правовые последствия, связанные с привлечением к ответственности врача за получение взятки при выдаче больничного листа. Ведь никто не станет возражать, что участковый врач уполномочен в профессиональной (врачебной) деятельности на совершение публично значимых юридических действий – выдачу больничного листа. Поэтому с точки зрения уголовной ответственности и видов наказания в качестве объекта лишения права могут выступать только сами юридические действия – право на их совершение, но не право на занятие профессиональной деятельностью. Между тем зачастую в обвинительных приговорах суд определяет в качестве наказания за совершение такого рода преступлений лишение права заниматься врачебной деятельностью.

Для того чтобы признать в действиях должностного лица наличие признаков преступления, отнесенного к рангу коррупционных, в частности к злоупотреблению властью, необходимо определить ряд обстоятельств. Во-первых, требуется установить, что должностное лицо совершает действия с использованием своих служебных полномочий; во-вторых, что указанные действия совершаются вопреки интересам службы. В-третьих, обязательным является наступление в ре-

зультате указанных действий одного из следующих последствий: а) причинение ущерба в крупном размере; б) причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан; в) причинение существенного вреда общественным или государственным интересам. Кроме того, между совершенными должностным лицом действиями и наступившими последствиями должна иметь место причинная связь [11]. Характерным признаком этого преступления является совершение должностным лицом действий, входящих в его компетенцию, но противоречащим интересам службы. Злоупотребление властью или служебными полномочиями лицом, занимающим ответственное положение, наносит существенный вред авторитету государственной власти, подрывает уважение к ней со стороны граждан. Лица, занимающие ответственное положение, наделены большим кругом прав и полномочий, преступные действия, совершаемые в пределах этих высших полномочий, влекут и более значимые негативные последствия.

Вышеизложенное позволяет констатировать, что уголовно-правовая дефиниция «должностное лицо» требует дальнейшего законодательного совершенствования. В связи с этим считаем целесообразным:

1) пойти по пути дифференциации правовой категории «должностное лицо» и ее закреплении в уголовном законе по аналогии с Законом Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» применительно к субъектам коррупционных правонарушений, где нормативно выделено три категории: «государственные должностные лица»; «лица, приравненные к государственным должностным лицам» и «иностранцы должностные лица»;

2) разграничить на законодательном уровне дефиниции таких категорий должностных лиц, как выполнение организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, либо лиц, уполномоченных в установленном порядке на совершение юридически значимых действий, что позволит избежать их расширительного толкования;

3) конкретизировать уголовно-правовую дефиницию «должностное лицо», включив в статью 4 УК новые пункты в следующей редакции: «18. Под организационно-распорядительными обязанностями понимается руководство деятельностью учреждений, организаций, предприятий, их подразделений, отдельных подчиненных им лиц. 19. Под административно-хозяйственными обязанностями понимается осуществление полномочий по управлению и распоряжению имуществом и денежными средствами, а также организация учета и контроля за отпуском и реализацией материальных ценностей. 20. Под лицами, уполномоченными в установленном порядке на совершение юридически значимых действий, понимаются лица, которым предоставлено право от имени учреждения, организации или предприятия совершать действия, влекущие правовые последствия, т.е. действия, порождающие, изменяющие или прекращающие определенные правоотношения».

Названные предложения отвечают современной трактовке субъектов коррупционных правонарушений, закрепленных в Законе Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», и позволят учитывать ее при уголовно-правовой оценке коррупционных преступлений.

Список использованных источников:

1. Загородников, Н.И. Советское уголовное право: Общая и особ. части : Учебник для сред. юрид. учеб. заведений / Н. И. Загородников. – М. : Юрид. лит., 1975. – 568 с.
2. Юридический словарь / гл. ред.: С.Н. Братусь [и др.]. – М. : Госюриздат, 1953. – 784 с.
3. Кириченко, В.Ф. Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву: (Общие вопросы) / В.Ф. Кириченко ; Акад. наук СССР. Ин-т права им. А.Я. Вышинского. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – 132 с.
4. Кучерявый, Н.П. Ответственность за взяточничество по советскому уголовному праву / Н.П. Кучерявый. – М. : Госюриздат, 1957. – 188 с.
5. Орлов, В.С. Субъект преступления по советскому уголовному праву / В.С. Орлов. – М. : Госюриздат, 1958. – 260 с.
6. Уголовный кодекс Белорусской ССР 1960 г. [Электронный ресурс]. – Минск, 2016. – Режим доступа: http://www.pravo.by/ImgPravo/pdf/UK_BSSR_1960.pdf. – Дата доступа: 02.09.2016.
7. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : Принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // Эталон–Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
8. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-З // ИПС Эталон (б.б) Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
9. Барков, А.В. Понятие должностного лица и судебная практика по уголовным делам / А.В.Барков // Судебная практика в контексте принципов законности и права : сб. науч. тр. / редкол.: В.М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Тесей. 2006. – С. 90–103.
10. Хомич, В.М. Понятие должностного лица в уголовном праве / В.М. Хомич // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
11. Саркисова, Э. А. Преступления и наказания должностных лиц в контексте борьбы с коррупцией [Электронный ресурс] / Э. А. Саркисова // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.